

ная задача, которую поставил перед собой драматург, — создание сценического образа Петра I — оказалась для него непосильной. И при всем видимом желании автора драмы связать «похвалу российския матере», прославление Елизаветы с темой Петра I не удалось.

Гораздо более разработанной эта тема оказалась в проповедях духовенства. «Петра Первого не умерла слава российская, — хором утверждали проповедники елизаветинской поры, — но аки финиис вся возродися во Елисавете Первой». Московский проповедник Кирилл Флоринский, выступления которого отличались обилием аллегорий, сравнений, притч, избирает темой своей проповеди в Успенском соборе Москвы 18 декабря 1741 г. слова 111 псалма, стих 2: «Сильно на земли будет семя его». И он представляет Петра сеятелем, а Россию почвою, на которой «возрасте семя Петрово, подобно зерну горушну евангельскому».¹⁸

В тот же день Амвросий Юшкевич выступил с амвона петербургской церкви: «Что надлежит до славных заслуг их (т. е. Петра I и его жены Екатерины I, — В. П.), то я не знаю, есть ли в свете уголок такой, есть ли народ такой дикой и незнаемый, чтоб до него не дошел слух дел и славы Петра Великого, и чтоб не знал он, кто и что был в России Петр Первый, кто и что была Екатерина». «Когда он воевал, учил воевать воинство; когда учил воинство, устраивал благополучие внутреннего гражданства; когда устраивал благополучие гражданства, и о духовном своем чине помышлять не оставил. Видел он совершенно, ово из древних историй, ово же и сам своим уже искусством, как народ российский тогда был неславный и посмеятельный; видел, как был вовся темный в науках и непросвещенный: и того ради великою суммою снискивал людей ученых, содержал их во всяком довольстве и почтении, посылал своих подданных для науки и всякой экспериентации в иностранныя государства, старался везде заводить училища духовныя и политическия, снабдевал их весьма мудрыми и славными учителями, и что всего удивительнее, сам своею императорскою персоною почти по всей Эвропе странствовать изволил, для единого того, чтоб, разсмотрев тамошнее состояние училищ, воинства, гражданства и мастерства корабельнаго, завезть то таким же образом и в своем государстве... Но остановись еще мало и над сим царствующим градом Санктпетербургом, посмотри на его места положение, на его самое начало и предивное строение; кто начал, кто создал и трудился здесь? Аще мы умолчим, камень возопиует, домик Петра Великого засвидетельствует, сколько он положил здесь трудов и потов на созидание сего града».¹⁹

Именно этой проповедью новгородский архиепископ, недавно вступивший на кафедру, ранее занимаемую Феофаном Прокоповичем, ввел в обыкновение начинать прославление Елизаветы прославлением дел Петра, а «прославлять Петра, — подмечает историк, — можно было за то же, что и прославляли его прежние ораторы».²⁰

Пример, поданный Амвросием, не пропал втуне. Его ближайшие последователи воскрешали в памяти слушателей ставший уже канонизированным облик Петра I и напоминали дочери о лучших делах отца так, как будто речь шла об апостольских деяниях из святого писания: «А паче всех неусыпными трудами отец отечества великий монарх Петр Первый выше кедров ливанских славою Россию превознесл, кто сего не исповедует, не токмо верныя российския чада, но и окрестный народи знатная дела его проповедуют. Петр, крепость наша, которым тако отечество утверждено, яко гора Сион не по-

¹⁸ Слово в высокаторжественный день рождения ея священнейшаго императорскаго величества благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея Елисаветы Первья, императрицы всея России, проповеданное архимандритом иконоспасским Кириллом Флоринским в Успенском соборе в Москве 1741 года декабря 18 дня. СПб., стр. 14.

¹⁹ Слово Амвросия, стр. 7—9.

²⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XI (тт. XXI и XXII). М., 1963, стр. 147.